

Руднев Дмитрий Владимирович

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Россия, 191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48
rudnevd@mail.ru

Имя человека в деловой коммуникации XVIII в. (особенности именованя Пугачева в документах 1770-х гг.)*

Для цитирования: Руднев Д. В. Имя человека в деловой коммуникации XVIII в. (особенности именованя Пугачева в документах 1770-х гг.). *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2021, 18 (3): 590–608. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2021.310>

На примере именованя Пугачева в различных документах 1770-х гг., где он предстает в разных социальных ролях — допрашиваемого, царя-самозванца, обвиняемого, — в статье исследуется зависимость формы официального именованя человека от занимаемого им в обществе положения, типа документа и места имени в составе документа. Официальные формы антропонимов в XVIII в. начали противопоставляться формам именованя человека в неофициальной коммуникации, демонстрируя постепенное отчуждение деловой коммуникации от живой речи. Правильное именование человека в разных типах деловых текстов требовало умения и выучки и было знаком приобщения к официальной коммуникации. В статье проанализированы изменения в формах именованя Пугачева в документах, относящихся к разным этапам восстаня, и сделан вывод, что постепенно в документах, исходивших от бунтовщиков, при выборе форм его номинации уменьшается число отклонений от сложившейся традиции употребления антропонимов в официальной коммуникации. Анализ документов, относящихся к следствию над Пугачевым, обнаруживает ряд серьезных отклонений в его именовании, которые свидетельствуют о том, что власти рассматривали преступление Пугачева как деяние особой тяжести и, как следствие, лишили его привычных форм официального именованя. Для номинации преступника чаще всего использовалась презрительно-уменьшительная форма имени *Емелька* или оценочное существительное *злодей*. Особенности номинации Пугачева показывают исключение его имени из официального антропонимикона. Как в розыскных документах, так и в сенции он назван полуименем (*Емелька*), хотя такое именование в документах было официально упразднено еще в начале XVIII в. В отличие от допетровской эпохи использование полуимени для именованя Пугачева имело иную функциональную нагрузку: оно было выражением отношения официальной власти к человеку, пошатнувшему государственный строй. Вместе с тем эта номинация отсылала к другому самозванцу — Гришке Отрепьеву.

Ключевые слова: русский язык XVIII в., история русской деловой письменности, именование, антропонимическая модель, Емельян Пугачев.

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект 18-012-00321 «Антропонимы в русской словесной культуре XVIII века (историко-литературный и лингвистический аспекты)»).

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2021

Введение

Особенности употребления антропонимов в деловой письменности исследованы к настоящему моменту явно недостаточно. Авторы большинства работ, затрагивающих эту тему, ограничиваются проблемой выбора имени в рамках делового этикета (напр.: [Формановская 2005: 119–177]), при этом многие важные моменты, связанные с официальным именованием человека в документах, остаются без изучения и теоретического осмысления. Перечислим некоторые из таких вопросов.

Почему среди целого ряда возможных способов номинации человека в документах используются только некоторые? Как происходит становление и отбор форм антропонимов (и иных способов номинации человека) в истории делового языка? Меняются ли эти способы номинации в истории делового языка и если меняются, то как и почему? Зависят ли формы антропонимов, используемые в деловой коммуникации, от их положения в тексте документа и если да, то каким образом и почему? Есть ли связь между формой официального именованья и типом (жанром) документа? Это лишь небольшая часть вопросов, неизбежно возникающих у исследователя при обращении к теме, которые мы попытаемся рассмотреть на материале официальных документов XVIII в.

Деловая коммуникация представляет собой особый вид диалога, где единицей общения (репликой, под которой понимается высказывание говорящего в диалоге) является документ. Функционирование документа в диалогическом режиме означает, что любой документ является либо ответом на предшествующую реплику-документ, либо порождает ответную реплику-документ, либо выполняет обе функции одновременно. «Отличительной чертой системы жанров делового языка... является их коммуникативная взаимосвязанность и взаимообусловленность. Документы, представляя собой тексты-монологи, реализуются только в диалоге...» [Русанова 2015: 155] Прямым следствием скрытой диалогичности документов, часто ускользающей от внимания исследователей (обычно ограничивающихся изучением текста одного документа или одним документальным жанром), является повышенная прагматическая нагрузка антропонимов в тексте документа.

В тексте документа антропоним выполняет как минимум три функции: участвует в выражении адресанта (или источника власти) и адресата (объекта проявления власти), а также в тексте документа, содержащем основную фактуальную информацию документа (в современном делопроизводстве он обозначается как реквизит 20). В тексте документа антропоним выступает в качестве объекта описания. Первые две функции связаны с выражением прагматической информации документа и обусловлены императивным характером деловой коммуникации, в ходе которой одно лицо (в том числе коллективное) побуждает другое лицо (или лиц) к выполнению (или невыполнению) определенных действий.

Материалом наблюдений послужили номинации Пугачева в различных документах 1770-х гг.¹ С одной стороны, Пугачев предстает в этих документах в различ-

---

¹ Были использованы документы из сборников: *Емельян Пугачев на следствии. Сборник документов и материалов*. Овчинников Р.В., Светенко А.С. (сост.). М.: Языки русской культуры, 1997. (Далее — ЕПС); *Пугачевщина. Т. 1: Из архива Пугачева (Манифесты, указы и переписка)*. Мейерсон Г.Е. (ред.). М.; Л.: Гос. изд-во, 1926. (Далее — *Пугачевщина*), а также *Сентенция о наказании смертною казнию изменника, бунтовщика и самозванца Пугачева и его сообщников, 10 января 1775 г.* Цит. по: [ПСЗРИ 1830, т. 20: 1–12]. (Далее — *Сентенция*.)

ных социальных ролях: беглого казака, лжеимператора, государственного преступника, — как субъект власти и как ее объект. С другой стороны, тяжесть преступления Пугачева, похитившего царское имя и потрясшего основы государства, была такова, что в следственных документах и в приговоре его именование шло вразрез существовавшей традиции официального именованя лица. Как следствие, наблюдения за именованем Пугачева в различных документах позволяют достаточно полно отразить особенности употребления имени человека в деловой письменности второй половины XVIII в.

Именование человека в документах XVIII в.: традиции и новации

Особенности именованя людей в документной коммуникации XVIII в. были отчасти унаследованы из предшествующей традиции. В XVII в. «единых требований к записи личных имен в деловой письменности... не было» [Неволина 2011: 17], «отсутствовали юридически закрепленные нормы официального именованя лица. Установлению их препятствовало непоследовательное разграничение писцами разных типов личных имен, сохранявших равноправие в идентификации лица. Выбор их зависел от жанровой специфики документа и манеры письма» [Смольников 1996: 13]. Варьироване официального именованя лиц сохраняется и в XVIII в., однако приобретает отчетливые черты упорядоченности.

Сокращению вариативности способствовало законодательное вмешательство властей в вопросы именованя лиц в официальных документах. Так, согласно указу от 30 декабря 1701 г., челобитные и прочие просительные документы необходимо было подписывать не полуименем, а полным именем и фамилией:

На Москве и в городах царевичам, и боярам, и окольниковым, и думным, и ближним, и всех чинов служилым, и купецкаго, и всяких чинов людям боярским, и крестьянам к великому государю в челобитных и в отписках, и в приказных и домовных во всяких письмах генваря с 1 числа 702 года писаться целыми именами с прозваниями своими, а полуименами никому не писаться [ПСЗРИ 1830, т. 4: 181 (№ 1884)].

В этом указе отражены важные изменения в деловой коммуникации. С одной стороны, принятие его можно расценить как стремление властей установить единообразие в принципах официального именованя лиц и сблизить принципы именованя с европейскими. Диминутивные формы антропонимов (т. н. гипокористики) употреблялись лишь в небольшой части документов — челобитных, писцовых книгах и некоторых других документах. С другой стороны, отмена полуимен фактически означала запрет подданным на личное обращение к царю, так как подобные формы имели эгоцентрический характер и являлись важным экспрессивным средством просительных документов. Такой запрет был отчетливым сигналом происходившего процесса речевого отчуждения в отношениях между властями и подданными, одной из причин которого была смена понятийной модели (концептуальной метафоры, структурирующей понятийную область) государства, когда исходная модель государства — семьи или феодального дома — сменялась моделью государства-механизма (подробнее см.: [Садова, Руднев 2018]). Языковым следствием этого процесса стало нарастание в деловом языке речевых элементов,

подводимых под стилевую категорию официальности: изменение официального именования людей и предметов действительности, возможно, самое яркое проявление этого процесса.

Еще одним документом Петровского времени, сыгравшим важную роль в закреплении принципов официального именования лиц, явился Адмиралтейский регламент (1722), который содержал образцы отчетных документов, обязательных для всех ведомств. В приложенных к регламенту образцах официальное именование лица состояло из указания должности, полного имени и фамилии: *адмирал Петр Михайлов* (т. е. сам Петр I), *штюрман Григорей Микулин*, *матроз 1 статьи Иван Никитин* и т. д. Учитывая роль Адмиралтейского регламента как образца для составления отчетных документов во всех ведомствах, эти модели официального именования лиц имели регламентирующий характер для всей деловой коммуникации XVIII в.

В тексте документов XVIII в. именование людей чаще всего происходило при помощи двухкомпонентных моделей — по имени и фамилии — в сочетании с приложением, указывающим на звание (должность) и ведомственную принадлежность. При повторной номинации использовалось сочетание звания (должности) и фамилии или только фамилия. Использование фамилии в качестве повторной номинации является ярким новшеством Петровского времени: в XVII в. при повторном именовании лица в тексте документа использовалось имя, а не фамилия [Неволина 2011: 9].

Отчество в документах использовалось редко. Употребление отчества на *-вич* в документах XVIII в. было главным образом прерогативой императоров и членов императорской семьи. При необходимости указать «отчество» в некоторых видах документов подданные делали это при помощи притяжательного прилагательного и слова *сын* или *дочь* (*Петрова дочь*, *Сергеев сын* и пр.). Эта модель сформировалась в деловой коммуникации XVII в. для разграничения отчеств и семейных прозвищ (фамилий), часто имевших одинаковый внешний вид из-за форманта *-ов*. Отклонения от этих правил касались имен руководителей учреждений, которые в документах этих учреждений, а зачастую и за их пределами, именовались с указанием не только имени и фамилии («прозвища»), но и отчества, и, кроме того, имен некоторых наиболее важных представителей власти. Вероятно, на высших руководителях в этом случае отчасти распространялись принципы именования, характерные для императора (императрицы), к которым они были близки, — но с обязательным указанием фамилии, а в некоторых случаях и должности. (Следует отметить, что принципы употребления отчества на *-вич* в Петровскую эпоху стали строже, чем в XVII в., когда такое именование было характерно для бояр и окольных, а также некоторых отдельных подданных, например Демидовых, которым такое право именования с *-вич* было даровано царями [Унбегаун 1971: 281–282].)

Современная трехкомпонентная номинация (особенно с препозицией фамилии относительно имени) имеет поздний характер. Исследователи отмечают распространение трехкомпонентной модели в официальных документах во второй половине XVII в. Это было обусловлено тем, что «фамилия в XVII в. еще не была обязательной анропонимической категорией в официальных именовании горожан и крестьян. <...> Фамилия в самостоятельную категорию официального именования выделяется только во второй половине XVII в.» [Смольников 1996: 16].

Трехкомпонентные модели, включавшие имя, патроним (отчество) и фамилию, использовались в XVII и XVIII вв. очень ограниченно — главным образом в частно-правовых актах и некоторых других документах. Они не имели современного универсального характера. Например:

Объявитель сего крепостной мой служитель **Петр Андреев сын Зайцов**, которого я, ниже подп<и>савшийся отпустил от себя вечно на волю; а потому ни мне, ни наследникам моим впредь до него дела нет и ни под каким видом не вступаться, для чего сия отпуская за моим подписанием и с приложением герба моего печати ему, **Зайцову**, от меня и дана, мая 24 дня, 1794 года. Москва.

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ, ВСЕМИЛОСТИВЪЙШЕЙ ГОСУДАРЫНИ МОЕЙ, армии Бригадир N.N. [Сокольский 1795: 732].

Особым образом в документах именовались императоры и императрицы, являвшиеся источником власти, которые подписывали документы полным именем (*Петр, Анна, Елисавет* и т.д.). В тексте документов они именовались по имени и отчеству («имярек с отчеством») с приложением «его/ее императорское величество». Это приложение обычно набиралось капитульными (прописными) буквами, под влиянием печатных документов такое написание проникло и в рукописные документы. В зачине указов они упоминались по имени, например: Божиею милостию мы, Петр Первьый, царь и самодержец всероссийский, и прочая, и прочая, и прочая или Божиею милостию мы, Анна/Елисавет Первая, императрица и самодержица всероссийская, и прочая, и прочая, и прочая.

Перечисленные антропонимические модели широко представлены в документах XVIII в., в частности в памятниках московской и региональной деловой письменности (см., напр.: [ПЗДП; ПМДП; ТДП] и др.). Существовавшая система номинаций отражала сложившуюся структуру общества. Отметим несколько самых общих особенностей официального именования лиц, относящихся к семантике номинаций (1, 2), их структуре (3), составу (4) и стилистической окраске (5): 1) резкое противопоставление способов именования императора и подданных; 2) упоминание должности и ведомственной принадлежности в составе приложения; 3) препозиция имени к фамилии (нынешний порядок возник под влиянием книжных каталогов в конце XIX в.); 4) редкое использование отчества (речь идет не только об отчествах с *-вичем*, но и об именных группах со словами *сын, дочь*, из-за чего отчества многих представителей XVIII в. зачастую остаются неизвестными); 5) невозможность использования в документах оценочных приложений к именам (*вор, злодей* и т.д.), а также оценочных форм имени (полуимен, т.е. гипокористик типа *Федька, Ивашка*).

Именованье Пугачева в документах до восстания (февраль 1772 г.)

Первое упоминание имени Пугачева связано с его допросом в феврале 1772 г. в Моздокской комендантской канцелярии: *...пойманный того полку беглый человек при допросе ответом показал. Зовут-де его Емельян Иванов сын Пугачев, родился он Донскаго войска в Зимовейской столице...* (ЕПС. С. 237). Ср. далее: *Почему-де он,*

Пугачев, взяв от них на проезд двадцать рублей денег, ехать в Москву и согласился (ЕПС. С. 238). В конце допроса указывалось полное имя и фамилия, а в составе приложения — социальная характеристика: *К сему допросу, вместо беглаго из Донскаго войска казака Емельяна Пугачева, за неумением им грамоте, по его прошению Моздоцкаго казачьяго полку сотник Иван Сафронов руку приложил* (ЕПС. С. 239).

Схожим образом именуется Пугачев в протоколе допроса в управительской канцелярии Малыковской дворцовой волости: *...а в допросе сказал. Емельяном его зовут Иванов сын Пугачев, от роду имеет сорок лет* (ЕПС. С. 239); *таковых слов он, Пугачев, нигде никому не проговаривал* (ЕПС. С. 240); *К сему допросу села Малыковки священник Афанасей Михайлов вместо означеннаго бежавшаго донскаго казака Емельяна Иванова сына Пугачева, по его прозьбе, руку приложил* (ЕПС. С. 240).

В данном случае употребление отчества в конце допроса не является обязательным.

Как видно из приведенных примеров, выбор способа именования Пугачева зависит от позиции и функции имени в тексте. Имя Пугачева выступает в качестве объекта описания в составе текста документа: в полной четырехсловной (трехкомпонентной) форме (*Емельян Иванов сын Пугачев*) в предложениях номинации с целью точной идентификации носителя имени, далее в тексте используется именование по фамилии (*Пугачев*), которая стоит в синтаксической позиции приложения и выполняет функцию конкретизации. Кроме того, имя Пугачева использовано в формуле рукоприкладства², где оно выполняет двойную функцию: во-первых, указывает на то, что подписавший документ имеет отношение к его составлению, т. е. выступает в качестве соавтора документа и несет ответственность за содержание; во-вторых, несет идентифицирующую функцию. В отличие от предложения именования в тексте документа в составе рукоприкладства указывается имя, фамилия и социальное положение (должность, ведомственная отнесенность, а в данном случае еще характеристика связи между лицом и учреждением — *беглый из Донскаго войска казак, бежавший донской казак*).

² Формула *приложить руку* в значении 'поставить свою подпись' [СлРЯ XI–XVII: 243], где слово *рука* употребляется в значении 'подпись' [СлРЯ XI–XVII: 239], известна с XVI в. Первоначально полный состав формулы в том случае, если кто-то подписывал документ за другого человека (чаще всего вследствие его неграмотности), имел следующий вид: имя 1 в им. п. *вместо* имя 2 в р. п. *по* (притяжательное местоимение/притяжательное прилагательное) *велению руку приложил*. В дальнейшем формула могла подвергаться сокращению (выпадала часть *по велению*). Кроме того, мог варьироваться компонент формулы *по велению*. Компонент *по велению* (реже *веленьем*) имел устойчивый характер и широко употреблялся в разнообразных документах XVI — первой половины XVIII в. (о его употреблении в таможенных книгах первой четверти XVIII в. см.: [Коркина 2015; 2018: 100–107]). Например: *К сей записи вместо углеченина посадцкого человека Елисея Бендина по его велению углетцкой земской дьячек Олешка Григорьев руку приложил* (Поручная по углицком посадском человеке Елисее Григорьеве о представлении в воеводский приказ беглой крестьянки, 1645 г. [АЮ: 336]). В XVII в. в документах наряду с *по велению* изредка встречается *по челобитью*; ср.: *Богоявленского монастыря слуга Федор Хомутов вместо поручника того ж монастыря сторожа Федора Анкудинова по его челобитью руку приложил* (Поручные по монастырских дворниках, 1690 г. [АЮ: 350]). Со второй четверти XVIII в. происходит вытеснение компонента *по велению* компонентом *по прошению*, изредка встречавшимся и в документах XVII в., или (реже) *по просьбе*, который широко распространился уже в XIX в. Ср. образец в приложении 17 к Рекрутскому уставу (1831 г.): *К сему приговору вместо неграмотных таких-то мещан (крестьян такой-то деревни, таких-то) по личной их просьбе руку приложил такой-то* [ПСЗРИ 1830–1884, т. 6: 615 (№ 4677)].

Именованіе Пугачева в документах, относящихся к восстанію

Документы начального периода восстанія (сентябрь–ноябрь 1773 г.)

Упомянуваніе Пугачева в тот период, когда он «похитил царское имя» Петра III, можно разделить на два этапа. На первом этапе (до декабря 1773 г.) употребленіе царского имени Петра III в пугачевских документах имело целый ряд специфических черт, свидетельствующих о слабом владеніи составителями документов принципами документной коммуникации. Вместе с тем встречающіеся отклоненія позволяют увидеть то, что в документах, связанных с употребленіем царского имени, остается обычно без фиксаціи — строго регламентированный характер употребленія царского имени в официальных документах, а кроме того, отношеніе к царской власти со стороны подданных и их представленіе о ней. Например:

(Зачин. — *Д. Р.*) Самодержавнаго амператора, нашего великаго государя Петра Ѳедаровича всероссійскаго: і прочая, і прочая, і прочая. Во имянномъ моемъ указе изображено ящкому войску...<...> (Финальная клаузула. — *Д. Р.*) Я, велики государь, жалую васъ Петръ Ѳедаровичъ (Именной указ Пугачева, 17 сентября 1773 г. Пугачевщина. С. 25).

(Зачин. — *Д. Р.*) Великіи государь и над цари царь и достойной імператоръ ПетръФедоровичъ, разсудя своимъ мнениемъ ко всем моимъ верноподданнымъ послать сей мой имянной указъ: і прочая, і прочая, і прочая. Да будетъ вамъ известно всемъ, что действительно я самъ велики...<...> (Финальная клаузула. — *Д. Р.*) Великий государь, царь Россійской, імператоръ руку приложилъ Петръ третій. Императоръ самъ Петръ третей руку приложилъ (Указ Пугачева, 1 октября 1773 г. Пугачевщина. С. 30–31).

(Зачин. — *Д. Р.*) Самодержавнаго імператора нашего, великаго государя Петра Федоровича всероссійскаго: і прочая, і прочая, і прочая. Симъ моимъ имяннымъ указомъ регулярной командѣ повелѣваю...<...> (Финальная клаузула. — *Д. С.*) Велики государь імператоръ Петръ Федоровичъ всероссійски (Указ Пугачева, без даты. Пугачевщина. С. 31–32).

(Зачин. — *Д. С.*) Самодержавнаго імператора Петра Федоровича всероссійскаго: и прочая, и прочая, и прочая. Имянной мой указъ во Оренбургскую Губернскую Канцелярію губернатору к Рейнъздорпу Ивану Анъд্রেивичю и всемъ гасподамъ и всякаго званія людемъ... <...> (Финальная клаузула — *Д. С.*) 1773 году ноября 5 дня. Велики государь Петръ трети всероссійскаго (Именной указ Пугачева, 5 ноября 1773 г. Пугачевщина. С. 53–54).

Ошибки в употребленіи царского имени во всех этих случаях имеют слишком очевидный характер: неправильны как сами формулы, так и их языковое оформленіе. Согласно «Форме о титулах его імператорского величества» от 26 декабря 1761 г. в грамотах, направляемых внутрь государства, титулатура Петра III имела следующий вид: *Божиею милостию Мы, Петр Третий, Император и Самодержецъ Всероссійский, и прочая, и прочая, и прочая* [ПСЗРИ 1830, т. 15: 876 (№ 11392)]. В указах Пугачева неправильно использованы формы местоименія (в царских указах обязательно использовалась форма *наи*) и формы лица глагола (в именных

указах монарх повелевает при помощи глаголов в форме 1 лица множественного числа, а не 3 лица единственного числа).

Именованіе Пугачева в документах второго этапа восстания

Изменения в титулатуре лже-Петра III начинаются со второй половины ноября. Так, в указе от 25 ноября неправильно оформлен зачин (*От самодержавнаго императора Петра Федоровича, самодержца всероссійскаго: и прочая, и прочая, и прочая*) — и правильно оформлена подпись (*На подлинной подписано собственною его императорскаго величества рукою тако: Петръ. Ноября 25-го дня 1773 году* (Пугачевщина. С. 35)).

Еще ближе по своему оформлению к подлинным именным императорским указам указ от 2 декабря 1773 г.: зачин *Божиею милостию мы, Петръ третій, императоръ и самодержецъ всероссійски: і прочая, і прочая, і прочая. Объявляется во всенародное известие*, — финальная клаузула *На подлинномъ подписано собственною Е. И. В. рукою тако: Петръ*. В этом документе и зачин, и подпись оформлены в соответствии с принятыми правилами, неправильно выбрана лишь форма лица перформативного глагола: вместо *объявляется* должно было стоять *объявляем* (форма *объявляется* использовалась в сенатских указах, например: «Указ ея императорскаго величества самодержицы всероссійской из Правительствующего Сената. Объявляется во всенародное известие». При этом имя императрицы или императора не указывалось). Аналогично (и с той же ошибкой) оформлены три именных указа Пугачева, датированных июлем 1774 г. (Пугачевщина. С. 40–41, 55–56, 56–57), и два указа, датированных августом 1774 г. (Пугачевщина. С. 41–43).

Точнее всего оформлен указ от 31 марта 1774 г.: в нем правильно использованы мы-формы: *Божиею милостию мы, Петръ третій, императоръ, самодержецъ всероссійски: і прочая, і прочая, і прочая. Объявляемъ во всенародное известие*. Отклонением в оформлении царского имени является отсутствие союза и в титулатуре: правильное употребление предполагало *императоръ и самодержецъ*. Еще одно отклонение заключается в том, как оформлена в нем царская подпись — *Petri* (Пугачевщина. С. 40): царские подписи оформлялись только по-русски. (В октябре 1774 г. при допросе Пугачев показал, что в ноябре 1773 г. к нему присоединился подпоручик Михаил Шванвич, «и с тех пор уже под всеми злодейскими указами подписывался он, Шванович, вместо самага злодея по латыни “Петер”» (ЕПС. С. 117).)

Отмеченные выше изменения оформления царского имени в документах самозванца следует связать с расширением Пугачевского восстания и присоединением к нему, среди прочего, дворян и служащих различных канцелярий, которые хорошо владели правилами оформления документов. На это указывает и время произошедших изменений — ноябрь–декабрь 1773 г., т. е. вскоре после поражения карательного корпуса генерал-майора В. А. Кара в боях с бунтовщиками под Оренбургом (7–9 ноября 1773 г.). И все же следует констатировать, что ни один из дошедших именных пугачевских указов не оформлен с соблюдением всех правил именования монарха.

Кроме именных указов, сохранился текст патента Василию Косоговскому. Языковое оформление патентов было во многом сходно с оформлением именных указов и манифестов.

Божиею милостию мы Петръ третій, императоръ и самодержецъ всероссийскій: и прочая, и прочая, и прочая. Известно и ведомо да будетъ всемъ и каждому, что Василей Косоховской, которой прежде былъ поручикомъ, а тысяща семьсотъ семьдесятъ четвертаго года июля двадесять четвертаго дня за оказанную его к службѣ ревность и прилежность подполковникомъ пожалованъ. Того ради мы симъ жалуемъ и учреждаемъ, повелевая всемъ нашимъ верноподданнымъ оного подполковника признавать и почитать. Напротивъ чего и мы надеѣмся, что онъ в томъ ему всемилостивѣйше пожалованномъ чине такъ и верно и прилежно поступать будетъ. Во свидѣтельство того мы собственною рукою подписать соизволили. Данъ июля 24 дня 1774 года. Петръ (Пугачевщина. С. 56).

Это пожалование на чин написано в целом правильно, однако при сравнении с подлинными патентами эпохи Екатерины II обнаруживаются различные незначительные ошибки. Во-первых, в пугачевском патенте использована формула *Известно и ведомо да будетъ всемъ и каждому*, в которой лишним является слово *всем* (адресат *всемъ и каждому* использовался в царских манифестах). Во-вторых, отсутствуют обязательные для манифестов местоимения *нам*, *наш*, нарушен порядок слов, использованы неправильные глагольные формы; правильное оформление должно было выглядеть так:

Василей Косоховской, которой нам поручикомъ служил, для его оказанной в службѣ нашей ревности и прилежности в наши подполковники тысяща семьсотъ семьдесятъ четвертаго года июля двадесять четвертаго дня всемилостивейшее пожаловали и учредили (конечно, nonsensом является произведение из поручиков в подполковники. — Д. Р.).

Совершенно неуместно использована формула *того ради* вместо правильного *яко*. Окончание «патента» похоже на оформление документов этого типа, однако и здесь встречаются многочисленные неточности, из которых наиболее существенной является отсутствие указания на то, что патент *укрепили нашею* (вар. *государственной*) *печатию*.

Точнее оформлены указы, исходившие из т.н. «военной коллегии» самозванца. В соответствии с существовавшими правилами в указах, которые издавались отдельными ведомствами, имя монарха не называлось. Начальная клаузула имела такой вид: «указ его (ее) императорского величества, самодержца (самодержицы) всероссийского (всероссийской), из <название ведомства>», далее указывался адресат указа — в дательном падеже без предлога, если указ направлялся кому-либо, или при помощи предложно-падежной формы «в/на + В. п.», если речь шла об учреждении. Указы пугачевской военной коллегии оформлялись именно таким образом: *Указ его императорскаго величества, самодержца всероссійскаго, из Государственной Военной Коллегии Яицкой Нижней линии крепостнымъ начальникамъ* (Указ от 17 декабря 1773 г. (Пугачевщина. С. 57)), или *Указъ его императорскаго величества, самодержца всероссійскаго из Государственной Военной Коллегии Воскресенскаго завода полковнику Якову Антипову* (Указ от 25 февраля 1774 г. (Пугачевщина. С. 62)).

Подписывали эти указы члены коллегии Иван Творогов, дьяк Иван Почиталин (до марта 1774 г.), секретарь Максим Горшков (в мае 1774 г. — Иван Шунде-ев, в июне–августе — 1774 г. Алексей Вепровской), понытки (в разные времена

Симеон Супонин, Иван Герасимов, Александр Седачов, Герасим Степанов). Отметим, что должность дьяка отсутствовала в системе центральных учреждений уже с 1730-х гг.

Среди сохранившихся документов обращает на себя внимание копия указа «военной коллегии», сделанная официальными властями в ходе расследования восстания. Вот ее зачин: *Отъ 23 декабря 773 году отъ названной Государственной Военной Коллегии Самарской дистанции крепостнымъ начальникамъ* (Пугачевщина. С. 58). В этой копии примечательным является отсутствие царского имени, упоминание которого придавало юридическую силу указам ведомств.

В некоторых документах бунтовщиков использование в составе зачина царского имени было избыточным, так как жанр не предполагал этого, например: *Его императорскаго величества Петра Ѳеодоровича, самодержца всероссийскаго: и прочая, и прочая, и прочая. Въ Государственную Военную Коллегию от полковника Бахтияра Канкеева покорнейший репортъ* (Пугачевщина. С. 101). В рапорте указание на царское имя (которое к тому же употреблено неправильно) не предусмотрено формуляром.

Если обобщить особенности употребления царского имени в пугачевских документах, то можно сделать вывод, что в связи с распространением восстания в ряды бунтовщиков влились служащие различных канцелярий, которые хорошо владели кодом государственной коммуникации. С декабря 1773 г. отмечается отчетливое улучшение оформления документов восставших: выходявшие из их рядов документы по своему оформлению (которое предполагало жесткие правила употребления царского имени) были близки к документам официальных властей. Выявляемые при анализе пугачевских документов ошибки для современников были, видимо, несущественны. Это таило для официальной власти огромную опасность: жители страны, привыкшие общаться с властями посредством системы письменных деловых жанров, возникшей в результате петровских реформ, сталкивались с ситуацией неразличения официального управления от самозванческого.

Однако отклонения от правильного употребления царского имени не всегда были обусловлены незнанием официального формуляра документов. Ряд обращений Пугачева к нерусским народам построен с опорой не на принятый официальный этикет, а на восточные традиции, т. е. с установкой на адресата. В таких обращениях имя государя в зачинах передано особенно пышно. Например:

Россійскаго войска содержателя и великаго государя, и всех менших и болших уволитель и милосердой спротивником казнитель, болших почитатель, менших почитатель же, скудных обогатитель и всему россійскому государству Петръ Федоровичъ: и прочая и прочая и прочая (Указ Пугачева, не датирован. Пугачевщина. С. 26).

Тысячью великой и высокой, и государственной владетель над цветущемъ селеніи, всемъ от бога сотвореннымъ людемъ самодержецъ, тайнымъ и публичнымъ, даже до твари наградитель усердственной въ святости искусной, милостивъ и милосердь, соделительное сердце имеющей — государь императоръ Петръ Ѳеодоровичъ, царь россійской, во всемъ свете славной, в вѣрности святъ, реченнымъ разнаго рода людемъ под своимъ скипетромъ самодержавецъ, еще и протчих и протчих и протчих (Указ Пугачева, 4 октября 1773 г. Пугачевщина. С. 27).

Я во свете всему войску і народом учреждены велики государь, явившейся іс тайного места, прощающей народ і животных в винах, делатель благоденствия, сладкоязычной, милостивый, мякосердечны російски царь, імператоръ Петръ Федоровичъ, во всем свете волны, в усердіи чисты і разного звания народов самодержатель: і прочая, і прочая, і прочая (Указ Пугачева, 30 сентября 1773 г. Пугачевщина. С. 29).

В этих указах излишне многословное и сверхкомплиментарное именование царя, включающее в свой состав многочисленные оценочные определения и приложения, совершенно не соответствует моделям именованию русского царя в официальных документах. Отчасти такое употребление царского имени объясняется тем, что указы, в которых оно встречается, относятся к тому времени, когда в окружении Пугачева отсутствовали люди, владевшие официальным этикетом. Однако в большей степени эти особенности вызваны тем, что эти указы Пугачева были направлены кочевым народам Поволжья, т. е. в них учтены особенности восприятия царской власти жителями, слабо вовлеченными в государственную коммуникацию.

Именование Пугачева в период следствия (сентябрь–декабрь 1773 г.)

Третий пласт документов, упоминавших Пугачева, отражает ход следствия над восставшими. В протоколе допроса Пугачева от 16 сентября 1774 г. представлены две номинации. Первая номинация в зачине протокола принадлежит официальным властям: *1774-го года сентября 16 дня в отделенной секретной комиссии, что в Яицком городке, государственной злодей, похитивший имя в бозе почитающаго императора Петра Третьяго, Емелька Пугачев допрашиван и показал* (ЕПС. С. 56). Вторая номинация принадлежит самому Пугачеву, который предваряет рассказ о злодействах биографической справкой: *Родиною я донской казак Зимовейской станицы Емельян Иванов сын Пугачев, грамоте не умею, от роду мне тридцать два года* (ЕПС. С. 56). Характерно, что обе номинации имеют официальный характер, однако если вторая номинация используется в обычных условиях (именно с ней мы сталкивались в первых документах), то первая отражает поражение Пугачева в правах, в ней используется полуимя *Емелька* и приложение *государственный злодей*, от которого зависит причастный оборот, с одной стороны, объясняющий причину использования этого приложения, с другой — разводящий имя Пугачева и императора Петра III.

Следующий по времени допрос Пугачева состоялся в октябре 1774 г. Уже заголовок протокола этого допроса содержит оценочные номинации Пугачева: *Допрос злодея, самозванца, беглаго с Дону казака Емельяна Иванова сына Пугачева, произведенной в Синбирске октября 2-го, 3-го, 4-го, 5-го и 6-го чисел 1774-го года* (ЕПС. С. 105).

В ходе допроса, длившегося несколько дней подряд, Пугачев отвечал на многочисленные вопросы; его ответы записаны не прямой речью, а косвенной (от третьего лица), т. е. зачастую отражают номинации не Пугачева, а официальных властей. Пугачев называется при этом по-разному: 1) *Пугачев* (обычно в позиции приложения к местоимению *он*): *Объявляет он, Пугачев, что...* (ЕПС. С. 106), *После сего отослан Пугачов из губернаторской экспедиции в обыкновенный острог* (ЕПС. С. 114); 2) *злодей Пугачев*: *Намерение самого злодея Пугачова было: бежать, по подговору зятя Павлова* (ЕПС. С. 107), *Возмечтал он, злодей Пугачов, принять на себя*

высокое звание покойного государя Петра Третьяго в Добрянске... (ЕПС. С. 109), Напоследок показал он, **злодей Пугачев** (ЕПС. С. 125); 3) злодей: Ушедши **злодей** с дороги, пробрался... (ЕПС. С. 107), Условясь, **злодей** поехал в Яицкой городок будто бы для покупки рыбы (ЕПС. С. 110), Сей подъячий спрашивал **злодея**, имеет ли он обещанные деньги при себе? (ЕПС. С. 112).

Из указанных трех типов номинации наиболее частотной оказывается однословная **злодей**. В следственных документах избегается его именование по фамилии.

Приведем типичный пример, показывающий, как Пугачев называется в тексте документа:

(Вопрос. — Д. Р.)

5. В бунтовщицей твоей шайке были ли кто имянно чиновных и доверенных у тебя людях из дворян или из штаб- и обер-офицеров, отставных, ссылочных или из служащих?

(Ответ. — Д. Р.)

Из чиновных людей в бунтовщицей шайке у него, **злодея** были с самого начала, после разбития генерал-майора Кара, из взятых двух рот Второго гранодерского полку подпоручик Шванович [15] Обстоятельства значатся в допросе самого Швановича]. Сей офицер служил ему, **злодею**, охотно, бывал на сражениях под Оренбургом при сообщнике **злодея** — яицком казаке Шигаеве. Сказывал **злодею** о себе, что он, Шванович, крестник в бозе опочивающей государыни императрицы Елисавет Петровны, что умеет говорить многими языками и может способным быть к установленной в то время злодейской коллегии. По сей прозьбе приказал **злодей** Швановичу быть при названной Военной коллегии и перевести на немецкой язык подложный манифест и указ к оренбургскому губернатору. И с тех пор уже под всеми злодейскими указами подписывался он, Шванович, вместо самого **злодея** по латыни «Петер». Сверх того, слышал он, злодей, от Горшкова, что оный думный дяк во злодейской коллегии обще с Швановичем писали указ на немецком и французском языках, но куда оный указ послали, — **злодей** неизвестен... (ЕПС. С. 116–117).

Таким образом, оценочная номинация **злодей** становится основным способом именованя Пугачева: его антропонимическое имя избегают употреблять в следственных документах. Выбор в качестве средства номинации Пугачева слова **злодей**, видимо, обусловлен его смысловой емкостью — в отличие современного русского языка, где оно имеет преимущественно оценочный характер и употребляется в отношении тех, «кто вызывает раздражение, гнев и т. п. своими поступками, действиями» [БТСРЯ: 365], в XVIII в. оно синкретично: ‘человек, совершающий злое, дурное дело; человек, преступающий закон,’ ‘враг, неприятель; противник’ и, среди прочего, используется в указанном оценочном значении [СлРЯ XVIII: 188–189].

Избегается употребление фамилии Пугачева и в протоколе его допроса в Московском отделении Тайной экспедиции Сената (4–14 ноября 1774 г.). В этом обширном документе **Пугачев** употреблено лишь несколько раз. Например, в самом начале документа в составе многословной номинации:

1774 года ноября 4 дня присланной из Синбирска от генерала-аншефа графа Панина пойманной **государственной злодей и бунтовщик Емелька Пугачов** за караулом лейб-гвардии Преображенского полку капитана Галахова в Москву, в Тайную ек-

спедицию, привезен пополудни в 9-м часу; и того ж числа в присутствии генерала-аншефа, сенатора, лейб-гвардии Конного полку подполковника, ея императорскаго величества генерала-адъютанта, разных орденов кавалера князь Михайлы Никитича Волконского в Тайной экспедиции обер-секретарем Шешковским о учиненных **оним злодеем Пугачевым** злодействах и о чем надлежало рспрашиван, а в допросе сказал...» (ЕПС. С. 127)

На протяжении документа (за исключением некоторых случаев, например: *О французе ж Ламаре и Каре Пугачов сказал...* (ЕПС. С. 215), где использование фамилии обусловлено, возможно, его упоминанием среди других лиц) господствует его именование *Емелькой* в качестве приложения к местоимению *он*: *...отечества ж тестя своего не знает он, Емелька...* (ЕПС. С. 128); *И он, Емелька, ей те раны на ногах и показал* (ЕПС. С. 131); *Жена и мать уговаривали ево, Емельку, чтоб...* (ЕПС. С. 131); *И потом ево, Емельку, отпустил* (ЕПС. С. 134); *А по сему условию он, Емелька, то свое намерение и исполнил* (ЕПС. С. 166); *Причем женицины просили ево, Емельку, чтоб он с судна их взял к себе* (ЕПС. С. 207) и т. д.

В последующих документах для именованя Пугачева использовалась либо гипокористика *Емелька*, либо оценочное существительное *злодей*. Например:

1774 года ноября 4 дня пополудни в 10-м часу в Тайную экспедицию прибыл господин генерал-аншеф, сенатор и кавалер князь Михайла Никитич Волконский, и в судейскую камору привезенной сего числа из Синбирска **злодей Пугачев** его сиятельству представлен. **Злодей** без всякого спроса пал на колени и сказал: «Виноват пред богом и пред государынею». Потом его сиятельство уличал его, **злодея**, бесчеловечными зверскими злодеяниями. Оной **злодей** сказал: «Мой грех, подбили меня люди. Да уже таперь виноват» (протокол показаний Е. И. Пугачева на допросе в Московском отделении Тайной экспедиции Сената, 4 ноября 1774 г. (ЕПС. С. 216));

1774-го года ноября 15-го дня в Тайной экспедиции **злодей Емелька** в пополнение первого своего допроса показал: 1-е. Отставной гвардии ундер-афицер Голев, в Бердуль он пришел в его толпу, и кем он привезен, — не знает. А узнал он того Голева по приходе ево, **Емельки**, в Белорецкой завод, потому што он, пришед к нему, просил ево, чтоб дать ему команду. И он, **Емелька**, сказал ему: «Набери сам команду, так и будь полковник». И он, Голев, сказал: «У меня-де уж набрано здесь сто человек». И он, **Емелька**, сказал: «Набери-де ещо, так и будет полк» (Протокол показаний Е. И. Пугачева на допросе в Московском отделении Тайной экспедиции Сената, 15 ноября 1774 г. ЕПС. С. 218).

При использовании этих двух номинаций можно отметить следующую синтаксическую особенность: имя *Емелька* употребляется только в качестве обособленного приложения к местоимению *он*, тогда как номинация *злодей* используется в самых разнообразных синтаксических позициях: подлежащего, дополнения, определения (например, *жена злодеева Софья, злодеевы способники* (ЕПС. С. 237); попутно отметим, что прилагательное *злодейский* в сочетаниях типа *злодейская шайка* имеет не столько качественно-оценочное, сколько притяжательное значение *шайка злодея*; ср.: *Как был он, злодей, под Царицыным, то приходил к нему салдат, а как ево зовут, — не помнит, и говорил, чтоб он дал ему злодейской свой возмутительной манифест для отвозу к отставному порутчику Гриневу...* (ЕПС. С. 219)) и, среди прочего, обособленного приложения к местоимению *он*.

С декабря 1774 г. отмечается возвращение в документы, связанные с допросом Пугачева, упоминание его фамилии, которая начинает употребляться наряду с отмеченными выше оценочными номинациями *Емелька и злодей*. Например:

Того ж числа означенному Попову в споре с **злодеем Емелькою** дана очная ставка. А на очной Попов с тем **Емелькою** ставке говорил то же, что он в Тайной экспедиции в допросе своем показал, и в том он утвердился. К сей очной ставке Василий Попов руку приложил. А **Пугачов** в очной с Поповым ставке говорил то же, что и в пополнительном 28 числа минувшаго ноября допросе своем он показал, и в том утверждался (Протокол показаний Е. И. Пугачева на очной ставке с В. И. Поповым в Московском отделении Тайной экспедиции Сената, 3 декабря 1774 г. ЕПС. С. 232).

1774 года декабря 5 дня в Тайной экспедиции в присутствии генерала-майора и кавалера Потемкина **злодей Пугачов** спрашиван был с довольным увещанием, чтоб он принес Богу, всемилостивейшей государыне и пред всем отечеством во всех своих действиях покаяние. И оной **Пугачов**, став на колени, говорил, что... <...> Чика показал, что он **злодею** о царицынском самозванце сказывал, слыша об оном в городе от многих. Шигаев в очной ставке с **злодеем** говорил, что он о **Пугачове**, что он — донской казак, не знал и **злодею** о сем не говорил (Протокол показаний Е. И. Пугачева на очной ставке с И. Н. Зарубиным, М. Г. Шигаевым и Д. К. Караваевым в Московском отделении Тайной экспедиции Сената, 5 декабря 1774 г. ЕПС. С. 233–234).

Появление фамилии Пугачева в более поздних документах объясняется, очевидно, тем, что они являются протоколами очных ставок, в тексте которых необходимо было отделить друг от друга и противопоставить позиции допрашиваемых. Рассматривать это как признаки изменения отношения к Пугачеву, по нашему мнению, невозможно: при допросах Пугачева от 1 и 2 декабря (ЕПС. С. 228–231), когда не было других допрашиваемых, нет и употребления имени Пугачева в тексте протокола — только *Емелька и злодей*.

Особенности именованя Пугачева в приговоре

Окончательным документом, в котором нашли отражение результаты проведенного следствия и была определена судьба Пугачева и других бунтовщиков, стала «Сентенция о наказании смертною казнию изменника, бунтовщика и самозванца Пугачева и его сообщников» от 10 января 1775 г. Этот документ в отличие от следственных документов можно отнести к числу парадно-риторических текстов. Эта стилистическая характеристика текста находит свое отражение и в номинации Пугачева. Именоване Пугачева в тексте сентенции лишь отчасти повторяет номинации в следственных документах: он называется *Емелькой* и *злодеем*, хотя самостоятельно имя *Емелька* не упоминается — только в составе двухкомпонентного имени *Емелька Пугачев*. Полное имя *Емельян* встретилось в тексте лишь один раз в предложении со значением идентификации в составе именной части сказуемого: *Сей злодей пред полным собранием объявлял, что он подлинно донской казак Зимовейской станицы Емельян Иванов сын Пугачев...* (Сентенция. С. 4) Употребление полного имени было продиктовано в данном случае важной целью — показать, что Пугачев не является императором Петром III³.

³ Примечательно, однако, что немного ранее в тексте сентенции говорится о том, что в тайной московской экспедиции Пугачев признал, что «он подлинно донской казак Зимовейской станицы

В предложениях для именования Пугачева обычно используются именные группы, в состав которых входит имя собственное *Пугачев* или *Емелька Пугачев* в сопровождении одного-трех приложений, которые отличаются разнообразием. Среди использованных приложений встретились: *злодей* (12 раз), *самозванец* (9 раз), *бунтовщик* (7 раз), *изверг* (3 раза), *варвар* (1 раз), *губитель* (1 раз): о бунтовщике, самозванце и государственном злодее Емельке Пугачеве, следствие о известном бунтовщике, самозванце и государственном злодее Емельке Пугачеве, важность вины, лютость и варварство сего бунтовщика, самозванца и мучителя Емельки Пугачева (Сентенция. С. 1); хищное сердце злодея Пугачева, с злым намерением бунтовщика и злодея Пугачева, поимкою злодея Пугачева (Сентенция. С. 2); варвар Пугачев, сей изверг и губитель Пугачев (Сентенция. С. 3); бунтовщику и самозванцу Емельке Пугачеву, изверга и самозванца Пугачева, изверга Пугачева (Сентенция. С. 7); злодея Пугачева, злодея и самозванца Пугачева (дважды) (Сентенция. С. 8); злодея Пугачева (дважды), бунтовщик и самозванец Емелька Пугачев (Сентенция. С. 10); о бунтовщике, самозванце и государственном злодее Емельке Пугачеве, злодея Емельку Пугачева (Сентенция. С. 11).

Таким образом, наиболее частотными оказываются приложения *злодей*, *самозванец* и *бунтовщик*.

Перечисленные приложения используются в тексте и в качестве самостоятельного именования Пугачева; для референтного (идентифицирующего) употребления этих оценочных существительных, основной синтаксической позицией которых является позиция предиката или приложения, в именную группу вводится указательное местоимение *сей*: к суду над **сим извергом, сей злодей, бунтовщик и губитель** (Сентенция. С. 1); зверское ухищрение сего злодея, где только **сей предатель и губитель** коснулся (Сентенция. С. 3); самым признанием **сего злодея** (Сентенция. С. 4) и т. д. Сентенция определяла судьбу не только Пугачева, но и его сподвижников. В той части, которая касалась последних, слово *злодей* иногда использовалось для номинации и других участников восстания, поэтому при именовании Пугачева при помощи оценочных слов к ним иногда добавляется прилагательное *главный*, например: *...но сожженная совесть сего злодея* (казака Афанасия Перфильева. — Д. Р.) *под покровом благонамерения алкала злобою: он, приехав в сонм злодеев, представился к главному бунтовщику и самозванцу, в Берде тогда бывшему...* (Сентенция. С. 3)

Кроме того, при номинации Пугачева используются и некоторые другие оценочные слова, которые не встречаются в позиции приложения: *предатель, преступник, враг отечества, тиран* и др. (самостоятельно или в сочетании с оценочными определениями): *Хищное сердце злодея Пугачева, рассмотря вражду помянутых казаков, возбудило сего богомерзкого предателя возжечь и разлить в смущенных умах пламень бунта...* (Сентенция. С. 2); *...сей преступник Богу и монархине и враг отечества, называя себя покойным государем Петром Третьим, приступил к горю, и послал лжесоставный манифест к комманданту, в оном находящемуся...* (Сентенция. С. 3); *Многочисленным злодействам сего изменника, врага и тирана означения вместить здесь невозможно...* (Сентенция. С. 3)

Емелька Иванов сын Пугачев» (Сентенция. С. 2), т. е. использована гипокористическая форма имени Емелька в том же контексте.

Идентифицирующая функция оценочных слов также осуществлялась при путем присоединения к ним указательного местоимения *сей*.

Таким образом, именование Пугачева в тексте сентенции в значительной мере сохраняет преемственность с его именованием в следственных документах. К числу сходств относится употребление в качестве основной номинации антропонима *Емелька Пугачев* и именной группы *злодей Пугачев*, однако полуимя *Емелька* самостоятельно для называния Пугачева не используется. По-видимому, это связано с тем, что сентенция предназначалась для всенародного известия и, таким образом, имени *Емелька* было недостаточно для однозначной идентификации преступника. Кроме того, документ определял судьбу не только Пугачева, но и его сподвижников, поэтому использование одного имени было неприемлемо. Наконец, еще одно обстоятельство, побуждавшее составителей документа использовать фамилию Пугачева при его номинации, — необходимость убедить граждан страны в том, что Пугачев не имел никакого отношения к царю Петру III (номинация *Емелька Пугачев* соотносится с номинацией другого «похитителя» царского имени — *Гришки Отрепьева*).

В отличие от следственных документов в сентенции очень широко использованы оценочные апеллятивы к фамилии Пугачева: *злодей, самозванец, бунтовщик, варвар, изверг, губитель*. И если употребление слов *злодей, самозванец, бунтовщик* в деловой письменности имело давнюю традицию, то слова *изверг, варвар, губитель, тиран*, сочетание *враг отечества* имели книжный, отчасти и заимствованный (калькированный) характер. Их употребление было направлено на создание приподнятой, торжественной окраски документа, имело отчетливо риторический характер.

Выводы

Именование Пугачева в документах 1770-х гг. дает обильную пищу для наблюдений над особенностями официального именования лиц в деловой письменности второй половины XVIII в. Антропонимические модели в официальных документах различались в зависимости от функции в тексте, типа текста, положения в тексте — от этого зависел выбор между однокомпонентной, двухкомпонентной или трехкомпонентной моделями именования, а также наличие у имени приложений (апеллятивов).

Для начальных и завершающих клауз документов можно отметить жесткую закрепленность формы имени, особенно когда речь шла об употреблении царского имени. Недостаточное владение Пугачевым и его сподвижниками формуляром документов и, в частности, правилами употребления царского имени получили отражение в документах начального этапа восстания. Однако с середины ноября 1773 г., когда в состав бунтовщиков влились люди, знавшие письменный деловой этикет, такие отклонения в целом были преодолены. На этом этапе восстания документы, исходившие от бунтовщиков, представляли большую опасность для официальных властей, так как мало отличались от официальных документов, не вызывая, таким образом, сомнений у тех, кому были адресованы. В каком-то смысле, это было платой за петровские реформы в области управления, которое стало подробно документироваться. Показателем того, что власти вполне осознали эту опасность, стало

строгое наказание сподвижников Пугачева, участвовавших в составлении документов. Так, Иван Почиталин и Максим Горшков обвинялись в том, что они «были производителями письменных дел при самозванце, составляли и подписывали его скверные листы, называя государевыми манифестами и указами, чрез что, умножая разврат в простых людях, были виною их несчастья и пагубы». Согласно приговору, их предписывалось «высечь кнутом и, вырвав ноздри, сослать на каторгу» (Сентенция. С. 9).

Отдельный интерес для анализа официального именованя лиц в документах XVIII в. представляют материалы розыскных дел и текст приговора. Особенности номинации Пугачева показывают исключение его имени из официального антропонимикона. Как в розыскных документах, так и в сентенции он назван полуименем (*Емелька*), хотя такое именование в документах было официально упразднено еще в начале XVIII в. В отличие от допетровской эпохи использование полуимени для именованя Пугачева имело иную функциональную нагрузку: оно было не средством интимизации отношений и способом воздействия на адресата, а выражением отношения официальной власти к человеку, пошатнувшему государственный строй, в котором было презрение (а отчасти и страх) к носителю этого имени. Вместе с тем эта номинация отсылала к другому самозванцу — *Гришке Отрепьеву*.

Источники

- АЮ — *Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства*. Изданы Археографической комиссией. СПб.: Тип. 2-го отд-ния собств. е. и. в. канцелярии, 1838. 511 с.
- ЕПС — *Емельян Пугачев на следствии. Сборник документов и материалов*. Овчинников Р.В., Светенко А.С. (сост.). М.: Языки русской культуры, 1997. 463 с.
- ПЗДП — *Памятники Забайкальской деловой письменности XVIII века*. Майоров А.П. (ред., сост.), Русанова С.В. (сост.). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. ун-та, 2005. 259 с.
- ПМДП — *Памятники московской деловой письменности XVIII века*. Сумкина А.И. (сост.), Котков С.И. (ред.). М.: Наука, 1981. 318 с.
- Пугачевщина — *Пугачевщина. Т. 1: Из архива Пугачева (манифесты, указы и переписка)*. Мейерсон Г.Е. (ред.). М.; Л.: Гос. изд-во, 1926. 287 с.
- ПСЗРИ 1830 — *Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое: с 1649 по 12 декабря 1825 года. Т. 1–45*. СПб.: Тип. 2-го отд-ния собств. е. и. в. канцелярии, 1830.
- ПСЗРИ 1830–1884 — *Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе: 12 декабря 1825 г. — 28 февраля 1881 г. Т. 1–55*. СПб.: Тип. 2-го отд-ния собств. е. и. в. канцелярии, 1830–1884.
- Сентенция — Сентенция о наказании смертною казнию изменника, бунтовщика и самозванца Пугачева и его сообщников, 10 января 1775 г. В кн.: *Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое, с 1649 года. Т. 20 (1775–1780)*. СПб.: Тип. 2-го отд-ния собств. е. и. в. канцелярии, 1830. С. 1–12 (№ 14233).
- Сокольский 1795 — *Сокольский И. Кабинетский и купеческий секретарь, или Собрание наилучших и употребительных писем...* 2-е изд., рассмотр., вновь доп. и разделенное на три ч. М.: Тип. А. Решетникова, 1795. VIII, 236 с.; VIII, 237–444 с.; VII, 445–608, 689–735 [=655] с.
- ТДП — *Тюменская деловая письменность: 1762–1796 гг. Кн. 2: Памятники Тюменской деловой письменности 1762–1796 гг.: из фондов Государственного архива Тюменской области*. Трофимова О.В. (сост.). Тюмень: Тюменский гос. ун-т, 2002. 826 с.

Словари

- БТСРЯ — *Большой толковый словарь русского языка*. Кузнецов С.А. (гл. ред.). СПб.: Норинт, 1998. 1536 с.

СлРЯ XI–XVII — *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Вып. 22 (*Раскидаться–Ряценок*). М.: Наука, 1997. 298 с.

СлРЯ XVIII — *Словарь русского языка XVIII века.* Вып. 8 (*Зальцль–Ижоры*). СПб.: Наука, 1995. 256 с.

Литература

Коркина 2015 — Коркина Т. Д. Формула рукоприкладства в кеврольских таможенных книгах первой четверти XVIII века. *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина*. 2015, 1 (4): 99–107.

Коркина 2018 — Коркина Т. Д. *Памятники региональной деловой письменности первой четверти XVIII века как лингвистический источник (на материале кеврольских таможенных книг)*. Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2018. 252 с.

Неволина 2011 — Неволина А. М. *История антропонимов в разных типах тотемской деловой письменности конца XVI–XVII в.* Автореферат дис. ... канд. филол. наук. Вологда, 2011. 21 с.

Русанова 2015 — Русанова С. В. Промемория в региональном делопроизводстве XVIII в.: функциональная направленность и жанровая специфика. *Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология*. 2015, (2): 153–164.

Садова, Руднев 2018 — Садова Т. С., Руднев Д. В. Метафора государства и государственный язык. В кн.: *Языковая норма. Виды и проблемы: материалы V Международного педагогического форума (Сочи, 3–4 декабря 2018 г.)*. СПб.: Изд-во Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена, 2018. С. 174–182.

Смольников 1996 — Смольников С. Н. *Антропонимическая система Верхнего Подвинья в XVI в. (на материале памятников местной деловой письменности)*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Вологда, 1996. 22 с.

Унбегаун 1971 — Унбегаун Б. О. Отчества на -ич и их отношение к русским фамилиям. В кн.: *Исследования по славянскому языкознанию. Сборник в честь шестидесятилетия профессора С. Б. Бернштейна*. М.: Наука, 1971. С. 280–286.

Формановская 2005 — Формановская Н. И. *Культура общения и речевой этикет*. М.: Икар, 2005. 250 с.

Статья поступила в редакцию 17 октября 2020 г.

Статья рекомендована в печать 14 мая 2021 г.

Dmitriy V. Rudnev

Herzen State Pedagogical University of Russia,
48, nab. r. Moiki, St. Petersburg, 191186, Russia
rudnevd@mail.ru

The name of a person in official communication of the 18th century (features of naming Pugachev in the documents of the 1770s)*

For citation: Rudnev D. V. The name of a person in official communication of the 18th century (features of naming Pugachev in the documents of the 1770s). *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2021, 18 (3): 590–608. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2021.310> (In Russian)

On the example of naming Pugachev in various documents of the 1770s, where he played various social roles — the interrogated, imposter tzar, a person under investigation, the accused — the article examines the dependence of the form of officially naming a person based on his position in society, the type of document and the place of the name in the documentary text. Official anthroponyms of the 18th century began to oppose the forms of naming a per-

---

* The research was supported by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project number 18-012-00321 “Anthroponyms in Russian verbal culture of the 18th century (historical, literary and linguistics aspects)”.

son in unofficial communication. This process demonstrates the gradual alienation of official communication from live speech. The correct naming of a person in different types of documents required special skill and training and was a sign of inclusion in the official communication. The article analyzes changes in naming Pugachev in documents related to different stages of Pugachev's Rebellion, and it is concluded that gradually in the documents of rebels, when choosing the forms of his naming, the number of deviations from the established official forms of anthroponyms decreases. The analysis of the documents related to the investigation of Pugachev reveals a number of serious deviations in his naming, which indicated that the authorities considered Pugachev's crime as one of particular severity and they deprived Pugachev of the usual forms of official naming. The investigation documents usually used the contemptuous diminutive form of the name *Emel'ka* or the evaluative noun *villain*.

Keywords: Russian language of the XVIII century, history of Russian official language, naming, anthroponymic model, Emel'ian Pugachev.

References

- Коркина 2015 — Korkina T. D. Structural forms of the signatures found in Kevrola Customs books of the first quarter of the 18th century. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina*. 2015, 1 (4): 99–107. (In Russian)
- Коркина 2018 — Korkina T. D. *The monuments of the regional business writing of the first quarter of the 18th century as a linguistic source (based on Kevrola customs books)*. Thesis for PhD in Philological Sciences. St. Petersburg, 2018. 252 p. (In Russian)
- Неволина 2011 — Nevolina A. M. *The history of anthroponyms in different types of Totma business writing at the end of 16–17th centuries*. Abstract of the Thesis for PhD in Philological Sciences. Vologda, 2011. 21 p. (In Russian)
- Русанова 2015 — Rusanova S. V. Promemoria in the 18 century regional business documentation: its functional orientation and genre specifics. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya*. 2015, (2): 153–164. (In Russian)
- Садова, Руднев 2018 — Sadova T. S., Rudnev D. V. State metaphor and state language. In: *Iazykovaia norma. Vidy i problemy: materialy V Mezhdunarodnogo pedagogicheskogo foruma (Sochi, 3–4 Dec. 2018)*. St. Petersburg: Rossiiskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet im. A. I. Gertsena Publ., 2018. P. 174–182. (In Russian)
- Смольников 1996 — Smol'nikov S. N. *Anthroponymic system of Verkhnee Podvinie in the 18th century (based on monuments of local business writing)*. Abstract of the Thesis for PhD in Philological Sciences. Vologda, 1996. 22 p. (In Russian)
- Унбегаун 1971 — Unbegau B. O. Patronymic names with endings *-ich* and their relationship with Russian surnames. In: *Issledovaniia po slavianskomu iazykoznaniiu. Sbornik v chest' shestidesiatiletiia professora S. B. Bernshteina*. Moscow: Nauka Publ., 1971. P. 280–286. (In Russian)
- Формановская 2005 — Formanovskaia N. I. *Communication culture and speech etiquette*. Moscow: Ikar Publ., 2005. 250 p. (In Russian)

Received: October 17, 2020

Accepted: May 14, 2021